

Возможна ли анархическая социальная революция

1918, источник: [здесь](#). Почин, 1918. 8 с.

Что государственная “социальная революция” оказалась возможной и к чему она была способна нас привести, показал плачевный опыт захвата власти социал-демократами большевиками с осуществлением диктатуры пролетариата, совместно с “беднейшим крестьянством”, и началом социалистического строительства государственным, законодательным путем.

Пусть не говорят социалисты-государственники других партий, что они дело повели бы иначе. Или они не сделали бы ничего существенного, или, самое большее они устранили бы кричащие несуразности во внешних проявлениях большевистской тактики, но суть дела, утопический государственный метод разрешения социального вопроса, останется в основе их деятельности.

Совершенно в иной плоскости подходит к социальному вопросу теория научного анархизма. Анархизм видит возможность, вернее, необходимость возникновения новых общественных порядков из существующих элементов современного строя и, именно, вследствие их естественного развития, а не насилия над этим развитием со стороны государственной власти. Анархизм стремится внести в этот процесс развития сознательный элемент, чтобы ускорить его, поэтому он революционен, но не утопичен, как государственный социализм, стремящийся “декретировать” всё, вплоть до самосознания народных масс.

Но что такое социальная революция?

Если под социальной революцией понимать непосредственный переход к таким общественным порядкам, где частная собственность на орудия труда во всех ее видах целиком отменена, где понятие о стоимости и денежный обмен совершенно отсутствуют, где труд составляет добровольное, здоровое и приятное времяпровождение, где техника повсюду настолько развита, что всяких богатств свалено в кучу более, чем нам всем нужно, где каждый берет по своим потребностям, без ограничения, как вольный воздух, то такой строй сверх-коммунизма едва ли настанет в непосредственном ближайшем будущем.

Человечество стоит на самых различных стадиях цивилизации, начиная с первобытного состояния. Даже в одной и той же стране разница между степенью культурного развития промышленных центров и деревней огромна. Эта разница висит тяжёлым балластом на

двигательных силах социализма. Но подобно тому, как в XVIII веке, капитализм не стал ждать повсеместного своего развития, чтобы провозгласить во время Великой Французской Революции новые общественно-политические начала, так и теперь социальная революция должна наступить до повсеместного одинакового развития цивилизации.

История цивилизации не знает скачков. Не революции создают и развивают общую культуру и в ней технику производства. Революции только изменяют ускоренным темпом правовые взаимоотношения различных классов в данном обществе, а социальная революция меняет ещё основные экономические взаимоотношения имущих и неимущих.

Таким образом, вопрос сводится к следующему: при данном уровне развития производительной техники и культуры, возможно ли коренное *уравнительное* изменение взаимоотношений классов имущих и неимущих, богатых и бедных, буржуазии промышленной и земельной к рабочему пролетариату и к мало- или безземельному крестьянству?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно взывать не к своему чувству и воображению, не запрашивать социалистическую и общую научную литературу, а присмотреться к кипящей вокруг нас жизни, постараться понять, взвесить и оценить все те явления и изменения в общественной жизни, которые происходят, можно сказать, протекают перед нашими глазами так быстро, что человек едва успевает приглядеться к ним. А таких явлений и факторов история последних 3-4 лет, история периода мировой катастрофы — войны и русской революции — выдвинула очень много.

Прежде всего появилась в широком масштабе как в западной Европе, так и у нас практика нормирования распределения предметов первой необходимости. В этом явлении важна не техника, важна не степень совершенства, с которой оно проведено, — время и опыт исправят дефекты, — не важна даже сама причина, вызвавшая её, а важно уравнивающее все слои населения начало. Это — *начало равенства всех*, и богатых, и бедных, перед необходимостью.

Проникновение этого начала в сознание народных масс сделало возможным применение глубоко стеснительной системы. Но эти стеснения не присущи системе, дефекты её применения постепенно будут устранены (в этом деле начинают играть, например, большую роль домовые комитеты и др. организации), а *начало*, именно *равенство распределения*, останется.

Начавшись с пищевых продуктов, это распределение распространилось на предметы одеяния и на очереди стоит уже нормирование распределения жилищ. Таким же порядком идёт регулирование распределения материалов и сырья в промышленности, это начало наверное распространится и на её финансирование.

Таким образом, начало равенства распределения захватывает в более или менее культурных центрах, в городах, все главные основные отрасли общественной и частной жизни.

Существеннее всего, что это начало равномерного распределения, несмотря и вопреки вмешательству в него власти, стремится стать чисто органическим, хозяйственным, внеполитическим. Возникнув при самодержавии, оно шло своей дорогой при Временном Правительстве и продолжало существовать непрерывно и почти независимо как во время октябрьского переворота, так и после него. Ходом своего развития оно окончательно освободится от опеки власти и войдёт в уклад хозяйственной жизни народов и городов наравне с другими общественными службами, как почта и телеграф, или снабжение населения водой, электрической энергией, трамвайным движением и т.д.

Второе характерное явление, — это необыкновенно участвовавшие после февральской революции *успешные в непосредственной своей цели забастовки*. Рабочие массы, пользуясь благоприятным условием процесса разложения государственной власти, стремятся приобрести уже не минимум для существования, а *минимум довольства*. Со всех сторон мы слышим наблюдения, что рабочий теперь зарабатывает много, и питается, и одевается сплошь и рядом лучше. Конечно, это улучшение в его материальной жизни сплошь и рядом мимолётное, особенно для семейных: финансовая разруха и всё растущая дороговизна скоро сводят высокие заработки на прежний покупательный уровень. В результате рабочий предъявляет новые материальные требования к промышленности, часто не сообразуясь с её доходностью, в разгаре борьбы расстраивает, саботирует, разрушает её.

В этом процессе важны два явления: сознание права на *минимум довольства и разрушение производства*.

Первое, в сочетании с началом равенства распределения, ведёт к установлению *экономического равенства*, а второе — так как жизнь невозможна без производства, к *реорганизации промышленности на новых началах*.

Всё чаще и чаще повторяются рабочими попытки взять в свои руки руководство производством и, нередко, капиталисты, вынужденно, сами это им предлагают в шаткой надежде спасти своё имущество для будущего. Важно опять не то, что эти попытки пока кончаются неудачами, что первые блины выходят комом, — важно проникновение в рабочие массы сознания *права* взять в свои руки производство, важна возможность пытаться *практически использовать это право*.

Важно возникновение тех заводских комитетов, которые сегодня претендуют только на контроль над доходностью промышленности, а завтра будут руководить ею, заменят *и хозяев, и заводскую администрацию*.

Тогда стремление улучшить своё материальное благосостояние само заставит рабочих поднять производительность труда; тогда интересы производства и интересы производителей совпадут, забастовки сами собой исчезнут и искоренится противообщественный, разлагающий навык саботажа.

Ещё один важный фактор революции: это — так называемые "аграрные беспорядки". В них тоже важны не эксцессы, не порубки, не погромы, не поджоги, — эти печальные, но частые спутники родовых мук новых общественных порядков, — а важен *захват земли крестьянами, важен отказ от уплаты аренд, важно фактическое вступление во владение землёй, хотя бы с*

нарушением всех программ социалистических партий.

Нормирование пользования землёй выработается самой практикой, сообразно с льготными условиями и лучше всяких придуманных законов. Напрасны тревоги социалистов-государственников на этот счёт.

В больших городах тоже поставлен на очередь земельный вопрос, *вопрос об отчуждении земли с доходными недвижимостями* в пользу общины, для приобщения к городскому хозяйству. При осуществлении этого преобразования большую практическую роль сыграют домовые комитеты, которые, по поручению общепризнанного распорядительного органа общины, возьмут в свои руки надзор и управление домами вместо домохозяев.

Русская революция практически выявила ещё одно существенное начало. Наряду со старым выборным началом, рассматривающим общество как однородное целое, решающим общественные вопросы механическим подсчётом голосов, она выдвинула советы рабочих депутатов[1]*, в которых должно быть представлено по отраслям общественных служб и производства, *всё трудовое население*, составляющее основу всякого общества. Революция стремится создать *организованный порядок* из общественно-полезных производительных сил, вместо абстракции надклассовой выборной власти, практически сводящейся к власти капиталистов и помещиков.

Не то важно, что политика закралась в Советы, что социалисты-государственники сводят их с революционно-экономического пути и запугали буржуазию захватом власти, с которой они и справиться не умеют, благодаря чему её, к счастью, только разрушают, а важно то, что Советы стремятся освободиться от всякой центральной власти и явочным порядком расчищают путь для реорганизации экономических основ общественного строя, для передачи средств производства и руководства им заводским комитетам и профессиональным союзам (синдикатам) рабочих. Советы в сущности стремятся организовать согласованность деятельности последних вне власти, в политической анархии.

К чему всё это нас ведёт?

Очевидно, к новым общественным порядкам, где все орудия коллективного труда будут в пользовании профессиональных союзов трудящихся, где все доходные недвижимости перейдут в городах в ведение соответствующих общин под управлением домовых комитетов, где земля перестанет приносить аренду, где рядом с фабричным производством и сельскохозяйственными экономиями в руках бывших пролетариев и батраков, а также общинным землепользованием, будут существовать индивидуальные ремёсла и хуторское хозяйство. К строю, в котором сохранится временно денежный товарообмен, так как звонкая монета в наше время — это тот же товар.

Вот в каком смысле теперь возможна *анархическая социальная революция*.

Исторический ход общественного развития сам собой ставит на очередь практическое разрешение социальных задач. Не пропаганда социалистических партий вообще, всё более

сводящаяся к выборной агитации и придумыванию законов, не кровавые судороги большевизма, не тактические ошибки анархистов с их беспочвенными захватами создают возможность осуществления социальной революции, а сама жизнь, сама история, развёртывающаяся ускоренным темпом под влиянием толчка, полученного от мировой войны.

Стремясь к уничтожению эксплуатации труда и к установлению экономического равенства, социальная революция тем самым устранит причину возникновения и существования власти, тем самым она уничтожит территориальную государственность и поведёт к содружеству народов вне взаимного гнёта, без государственных границ.

Процесс разложения государственной власти, который происходит теперь у нас на глазах, даст простор развитию самостоятельности естественных группировок населения — территориальных общин, расширит рамки их хозяйственной жизни, охватив и производство богатств, и равномерное распределение, и товарообмен, под руководством нового *распорядительного органа, совета трудовых делегатов*.

Задатки новых общественных порядков могут найти себе быстрое развитие и осуществление в реальной жизни, но они могут также задержаться в своём росте или надолго заглохнуть.

Задача анархиста — всмотреться в течение истории и внести в социальное брожение элемент сознательного строительства нового общества, руками самих же трудящихся.

Резюмируя вышеизложенное, мы видим, что ускоренное развитие современной общественной жизни ведёт к осуществлению следующих начал:

- 1) равенство распределения;
- 2) минимум довольства;
- 3) коллективное производство без хозяев и помещиков;
- 4) уничтожение частновладельческого права на арендную плату за землю и жилища;
- 5) распадение государственной власти вплоть до полного её упразднения, или политическая анархия;
- 6) организованный *советахми трудовых делегатов* общественно-хозяйственный порядок;
- 7) между-общинная солидарность, без государственных границ, и, с ней,
- 8) конец вовеки войне.

Всё это составляет ближайшую стадию развития культурных стран и в этом смысле назревает социальная революция.

Социальная революция возможна, только как анархическая.

Советы солдатских депутатов, как институт временный, связанный с войной, должны исчезнуть.

Примечания

[1] Правильнее было бы назвать *“советы трудовых делегатов”*. Слово *“трудовой”* объединило бы и крестьян, и интеллигентных тружеников либеральных профессий.

Версия #4

StepanSkazin создал 30 апреля 2025 12:14:00

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 15 июля 2025 17:02:23